Современная Европа, 2023, № 2, с. 186–201

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

УДК 314.74

БЛАГОСОСТОЯНИЕ ИММИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ: СТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ ДОХОДОВ[1]

© 2023 БОНДАРЕНКО Ксения Андреевна*
Старший преподаватель, Факультет мировой экономики и мировой политики, Департамент мировой экономики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20
***E-mail:** xenabondarenko@gmail.com*

© 2023 ХАРИТОНОВА Наталья Алексеевна**
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20
****E-mail:** nakharitonova_1@edu.hse.ru*

Поступила в редакцию 22.10.2022
После доработки 26.12.2022
Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведено эконометрическое моделирование уровня благосостояния этнических немцев и мигрантов, проживающих в Германии, на основе статистики Всемирного банка и данных опроса Немецкой социально-экономической группы (*SOEP-Core*) по более чем 683000 респондентам за 1984–2019 гг. Данные *SOEP* отражают реальные социально-экономические условия жизни этнического населения и мигрантов в Германии. В исследовании сделан вывод, что реальный доход (прокси уровня благосостояния) у респондентов с миграционным прошлым, в среднем выше, чем у лиц, рожденных в Германии. Однако уровень реального дохода мигрантов значительно варьируется в зависимости от страны-происхождения (наиболее высокий характерен для мигрантов из стран Северной Европы и Африки) и имеет нелинейную зависимость от времени проживания в стране. В статье выявлено, что влияние личностных характеристик (возраст, пол) и профессиональных качеств (образование, занятость) на реальный доход не сильно различается между мигрантами и этническими немцами, что нельзя сказать о семейном положении (коренные немцы в браке зараба-

[1] Авторы выражают благодарность ординарному профессору, члену ученого совета НИУ ВШЭ Л.М. Григорьеву и рецензентам научного журнала «Современная Европа» за ценные комментарии.

тывают меньше, в то время как для мигрантов брак не является значимым детерминантом).

Ключевые слова: Германия, миграция, реальные доходы, продолжительность миграции, страна происхождения мигрантов, эконометрический анализ.

DOI: 10.31857/S0201708323020158

EDN: ovqyec

Миграция в Германии: страновая структура диаспор

По данным Федерального статистического управления Германии на 2021 г., в стране проживает более 22,3 млн человек с миграционным прошлым[1] (около 26,9% от общей численности населения)[2]. Более 11,8 млн из них – иностранцы (13,5% соответственно)[3]. Самые многочисленные диаспоры Германии – польская и турецкая (Таблица 1).

Таблица 1

Численность мигрантов, проживающих в Германии в 1990–2020 гг., тыс. чел.

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Всего, в т. ч.:	***5936***	***7464***	***8993***	***9402***	***9812***	***10220***	***15762***
Польша	413	460	671	1158	1529	1562	2142
Турция	1459	1618	1605	1316	1314	1344	1837
Россия	77	491	904	889	857	876	1199
Казахстан	10	249	487	671	812	832	1128
Сирия	15	20	25	35	43	197	707
Италия	487	492	498	410	334	343	695
Румыния	177	250	323	408	475	488	655
Чехия	315	351	423	432	438	449	603
Греция	338	345	353	256	173	178	392
Хорватия	150	180	210	188	169	173	386
Болгария	27	30	33	62	85	87	315
Украина	16	86	155	186	210	216	290
другие	2452	2892	3306	3391	3373	3475	5413

Составлено авторами на основе данных UN. International Migrant Stock. 2022. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock (дата обращения: 01.02.2023)

[1] Лица, которые приехали из-за границы или имеют хотя бы одного родителя, родившегося за границей.

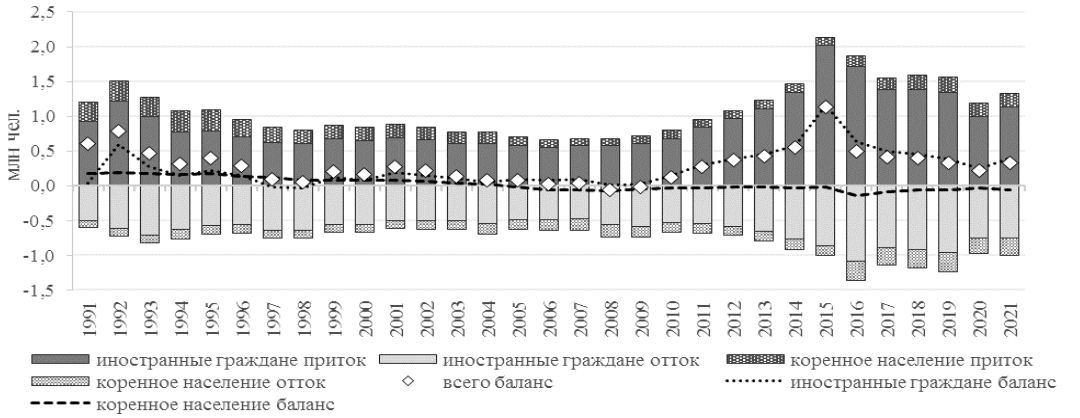
[2] Bevölkerung in Privathaushalten nach Migrationshintergrund. Federal Statistical Office (Destatis). 2021. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/migrationshintergrund-geschlecht-insgesamt.html (дата обращения: 18.12.2022)

[3] Foreigner statistics: 11.8 million foreigners at the end of 2021. Federal Statistical Office (Destatis). 2021. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/auslaenderstatistik-stichtag.html;jsessionid=532DF2D6C4CD75D1E61E2A55893E8337.live712 (дата обращения: 25.12.2022); Статистика по лицам с миграционным прошлым Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев Германии, Всемирного банка и ООН может отличаться вследствие методологических особенностей.

Приток мигрантов в Германию существенно увеличился в XXI веке (см. Рис. 1). Это связано с расширением ЕС[1] и принятием закона «Об иммиграции» 1 июля 2004 г. С этого периода начался новый этап иммиграционной политики, направленной одновременно на предоставление убежища, регулирование проблем внутренней миграции, решение проблем приема и интеграции немецких переселенцев.

Рисунок 1

Численность людей, ежегодно приезжающих в Германию и уезжающих из нее, в 1991–2021 гг. (млн чел.)



Составлено по: Statistisches Bundesamt. 2022. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration/Tables/migration-total.html;jsessionid=1B3EA379D9D29D2BF27B3FE369B71151.live712 (дата обращения: 05.08.2022)

Приток мигрантов в Германию главным образом остается под влиянием притягивающих факторов: политических (в части облегчения правовых аспектов миграции[2]), социокультурных (например, воссоединение с семьей турецких женщин-мигрантов или возвращение аусзидлеров[3] на Родину) и демографических [Куприна, 2017]. Приоритетным при решении о миграции остается повышение экономического благосостояния – возможность получения работы с более высокой оплатой труда.

Высокая численность иммигрантской диаспоры в Германии [Пасякина, 2011] и ее разнообразие приводят к росту конкуренции между иммигрантами и коренными жителями Германии в сфере занятости и в реальных доходах обеих групп населе-

[1] В 2004 г. к ЕС присоединились Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Кипр, Мальта, в 2007 – Болгария и Румыния, в 2013 – Хорватия.

[2] Например, в 2020 г. принят закон «Об иммиграции квалифицированных специалистов», упрощающий процедуру трудоустройства для квалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС.

[3] Этнические немцы, эмигрировавшие в Германию из бывших республик СССР и других восточноевропейских государств.

ния. В результате наблюдается конвергенция, т. е. постепенное сближение уровня благосостояния мигрантов и местного населения.

Факторы, определяющие благосостояние мигрантов

Согласно теориям неоклассической экономической школы, основная цель миграции – это повышение благосостояния индивидуума и его семьи. ООН определяет уровень благосостояния мигранта как совокупность следующих условий: наличие трудоустройства с удовлетворительными условиями труда и достойным доходом, ясный и надежный правовой статус, доступ к социальной защите и услугам здравоохранения, их участие в гражданской и политической жизни[1]. Несмотря на значимость социально-правовых аспектов миграции, в статье представлен анализ экономической составляющей благосостояния, ключевой прокси для которой является реальный доход [Суринов, Луппов, 2022].

В научной литературе выделяются следующие основные детерминанты реальных доходов индивидуумов: возраст (при прочих равных условиях чем выше возраст, тем выше доход [Gruber, Sand, 2020], но с течением времени это отношение становится инверсированным); пол (мужчины, как правило, зарабатывают больше, чем женщины); образование и квалификация (повышение уровня образования или квалификации ведет к увеличению заработной платы [Blanko, 2004]); семейное положение и др. Однако существуют исследования, в которых некоторые вышеуказанные факторы не имеют прямой взаимосвязи с доходами или имеют обратную связь. Например, женщины из-за более высокого уровня квалификации могут получать более высокую заработную плату [Bondarenko, 2021].

В контексте анализа дохода мигрантов также рассматриваются временной фактор продолжительности миграции [Bhugra, Becker, 2005] и влияние страны происхождения.

В отношении продолжительности миграции мы предполагаем, что чем дольше мигрант остается в стране, тем выше его реальный доход, но природа этой взаимосвязи имеет нелинейный характер: в первые годы пребывания в новой стране может наблюдаться высокий рост доходов, потом происходит их стабилизация и далее снижение. Страна происхождения также оказывает влияние на уровень реальных доходов мигрантов не только из-за экономических факторов (разница в доходах страны-реципиента и страны происхождения, уровень образования и развития профессиональных навыков), но и вследствие особенностей структурного социального капитала различных мигрантских общин [du Plooy et al., 2020], в т. ч. членства мигрантов в определенных социальных группах и наличия мигрантских сетей [Beine et al., 2011]. Таким образом, происхождение мигрантов может оказывать стимулирующее, нейтральное или негативное воздействие на процессы конвергенции доходов как между различными мигрантскими диаспорами, так и между мигрантами и коренным населением принимающей страны.

[1] Social Dimensions of International Migration. United Nations. 2021. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/events/coordination/3/docs/P02_DSPD.pdf (дата обращения: 07.08.2022)

База данных и описание модели

В статье используются данные из ежегодного репрезентативного продольного исследования частных домохозяйств Немецкой социально-экономической группы (*German Socio-economic Panel, SOEP*), проводимого в Немецком институте экономических исследований (*Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung, DIW*)[1]. База *SOEP* является одной из крупнейших в этой области и включает 506 наборов данных с 96 134 различными переменными и 16 344 вопросами. В исследовании использована статистика по более чем 683 000 респондентам за 1984-2019 гг. База *SOEP* отражает реальную конъюнктуру социально-экономической ситуации в Германии и широко используется для анализа различных процессов в научной литературе [см., например, Becker, Tremel, 2006; Fahr, 2011; Bauer, Sinning, 2011; Nesterko et al., 2013; Schaewitz et al., 2022].

Описательная статистика переменных приведена в Приложении 1.

Основой для построения эконометрической модели (1) стало исследование Я. Минсера [Mincer, 1994]:

(1)
$$LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \varepsilon_{it}$$

.

В модели (1) зависимая переменная $LRealInc_{it}$ – натуральный логарифм реального уровня валового дохода индивида в месяц. Реальный уровень дохода $(RealInc_{it})$ рассчитан исходя из номинального валового дохода (в евро, для ранних периодов конвертация по курсу евро – немецкая марка в базе данных по курсу *DEM1* = €0,5113) с учетом годового дефлятора[2] ВВП Германии (базовый год – 2015, данные Всемирного банка). Индекс *i* отражает номер каждого наблюдаемого респондента, *t* – время, выраженное в годах.

Остальные переменные – независимые, в т. ч. Age_{it} – возраст респондента[3], $Age2_{it}$ – возраст респондента в квадрате, $male_{it}$ – пол респондента (1 – мужчина, 0 – женщина), Edu_{it} – уровень образования, выраженный в годах[4], $Sing_{it}$ – семейное по-

[1] Socio-Economic Panel, data from 1984-2020 (SOEP-Core, v37, Onsite Edition). 2022. DOI: https://www.doi.org/10.5684/soep.core.v37o

[2] Мы используем дефлятор, а не индекс потребительских цен (ИПЦ), т. к. дефлятор отражает изменение цен на все произведенные товары и услуги, в то время как ИПЦ – только на некоторые приобретаемые потребителем товары.

[3] Возраст респондентов – от 1 до 105 лет (за детей опросы заполняют родители). Длительность проживания мигрантов в Германии – от 0 (приехали в год опроса) до 69 лет.

[4] Переменная *Eduit* – уровень образования, выраженный в годах. Минимальное количество лет обучения у респондентов составляет 7 лет (неоконченное школьное образование), максимальное – 18, что соответствует получению высшего и постдипломного образования в Германии.

ложение «свободен(а)»[1], Mar_{it} – семейное положение «замужем/женат», Div_{it} – семейное положение «разведен(а)», $SpAbr_{it}$ – супруг(а) проживает за границей, $Employed_{it}$ – трудоустроен на полный и/или неполный рабочий день, ε_{it} – ошибка регрессии. В рамках эконометрического моделирования модель (1) рассматривается отдельно для лиц, рожденных в Германии, и для респондентов с миграционным прошлым.

Включив фиктивные переменные, является ли респондент мигрантом или беженцем, дополняем модель (1) и получаем следующий вид модели (2):

(2)

$$LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \beta_{10} Migrant_{it} + \beta_{11} Refugee_{it} + \varepsilon_{it}$$

,

где $Migrant_{it}$ – респондент, рожденный в другой стране (не Германии), т. е. мигрант, $Refugee_{it}$ – респондент, который получил статус беженца или находится в процессе получения этого статуса.

В рамках исследовательского вопроса также рассматривается длительность проживания мигрантов в Германии и вводится соответствующая переменная $MigrPer_{it}$, которая определяется тем, сколько лет мигрант прожил в Германии по состоянию на год опроса. Эта переменная рассчитана как разница между соответствующим годом опроса t и годом, когда респондент i прибыл в Германию. Для проверки предположения о нелинейном характере взаимосвязи между доходом мигранта и длительностью его проживания в Германии, в общей сложности вводятся три переменные: $MigrPer_{it}$; $MigrPer2_{it}$ – квадрат переменной $MigrPer_{it}$; $MigrPer3_{it}$ – куб переменной $MigrPer_{it}$. Модель (3) рассчитывается исключительно для лиц с миграционным прошлым:

(3)

$$LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \beta_{10} MigrPer_{it} + \beta_{11} MigrPer2_{it} + \beta_{12} MigrPer_{3it} + \varepsilon_{it}$$

.

Наконец рассматривается, как страна происхождения влияет на уровень дохода мигрантов, и в модель (1) включаются дополнительные страновые[2] переменные:

[1] Здесь и далее все фиктивные переменные принимают значение 1, если «да», и 0, если «нет», т. е. *Sing=1*, если мужчина или женщина говорили, что он(а) свободен(дна), и *Sing=0*, если об этом не говорил(а).

[2] Классификация проведена исходя из данных World Regional Geography. University of Minnesota Libraries Publishing edition. 2016. https://doi.org/SOEP10.24926/8668.2701. В региональном разрезе указаны только те страны, которые мигранты в опросе *SOEP* указывали как страну рождения.

(4)

$$LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \beta_{10} WestEU_{it} + \beta_{11} EastEU_{it} + \beta_{12} NorthEU_{it} + \beta_{13} SouthEU_{it} + \beta_{14} Russia_{it} + + \beta_{15} Turkey_{it} + \beta_{16} Ukraine_{it} + \beta_{17} Africa_{it} + \beta_{18} CIS_{it} + \beta_{19} MEast_{it} + \varepsilon_{it}$$

,

где $WestEU_{it}$ – мигранты из западных стран, входящих в состав Евросоюза[1], $EastEU_{it}$ – мигранты из восточных стран ЕС[2], $NorthEU_{it}$ – мигранты из северных стран ЕС[3], $SouthEU_{it}$ – мигранты из южных стран ЕС[4], $Russia_{it}$ – мигранты из России, $Turkey_{it}$ – турецкие мигранты, $Africa_{it}$ – выходцы из Африканских стран[5], CIS_{it} – мигранты из стран СНГ, не включая Россию[6], $MEast_{it}$ – мигранты из стран Ближнего Востока[7]. Все дополнительные переменные в модели (4) являются фиктивными.

Эконометрическое моделирование

На первом этапе исследования построены регрессии и проведены соответствующие тесты. Тест Бройша-Пагана (Приложение 1)[8] показал, что модель со случайными эффектами лучше описывает данные, чем модель сквозной регрессии. Тесты Хаусмана и Вальда (Приложение 2) показали, что модель с фиксированным эффектом более предпочтительна, но он может быть несостоятелен, т. к., во-первых, переменная *maleit* была элиминирована из модели (модель с фиксированным эффектом не позволяет оценить влияние не меняющихся по времени фиксированных переменных), а, во-вторых, в модели с фиксированным эффектом *corr(u_i,X) ≠ 0 (assumed),* т. е. регрессоры коррелируют с ненаблюдаемыми случайными эффекта-

[1] Франция, Бельгия, Австрия, Люксембург, Нидерланды.

[2] Болгария, Румыния, Польша, Венгрия, Чехия, Хорватия, Словения, Словакия, Литва, Латвия, Эстония, территория бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии.

[3] Финляндия, Швеция, Дания.

[4] Португалия, Испания, Италия, Греция.

[5] Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Камерун, Кабо-Верде, Чад, Конго, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Гамбия, Гана, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Кения, Лесото, Либерия, Ливия, Мадагаскар, Мали, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Южно-Африканская Республика, Судан, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Замбия, Зимбабве.

[6] Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан.

[7] Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сирия, ОАЭ, Йемен.

[8] Дополнительные материалы к статье (Приложения 1,2,3) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

ми (в то время как в модели со случайными переменными этого не наблюдается). Вследствие инвариантности фиктивных переменных содержательно больше подходит модель со случайными эффектами (Приложение 3), т. к. в отличие от модели с фиксированными эффектами она позволяет оценить коэффициенты при инвариантных по времени переменных.

Личностные и профессиональные характеристики

При прочих равных условиях с возрастом уровень зарплаты респондентов сначала увеличивается, а потом – уменьшается (уравнения 1a, 1b, см. Приложение 3). Для людей, рожденных в Германии, этот *threshold* возраст составляет 62 года[1], для мигрантов – 63 года[2]. Мужчины в среднем зарабатывают больше, чем женщины, при этом для мигрантов эта разница более существенна, чем для немцев. Уровень образования и наличие работы оказывают высокое, положительное, статистически значимое влияние на доход респондентов. Коэффициенты при переменной *Edu* свидетельствуют о несколько меньшем влиянии уровня образования на благосостояние мигрантов в сравнении с коренными немцами. В целом все знаки перед вышеуказанными переменными личностных и профессиональных характеристик соответствуют ожиданиям.

Что касается семейного положения, одинокие и разведенные респонденты, как рожденные в Германии, так и за ее пределами, имеют более высокий уровень дохода по сравнению с другими респондентами (Приложение 3). Женатые/замужние коренные жители Германии, как правило, имеют меньший уровень реального дохода, что может быть обусловлено следующими причинами: лица в браке менее охотно меняют работу и несклонны к риску в целях повышения уровня заработной платы, т. к. от них зависит благополучие семьи; заработная плата людей в браке может быть ограничена их семейными обязанностями, т. е. вместо работы сверхурочно, женатые/замужние респонденты предпочитают проводить время дома, а также могут прибегать к различным формам нетипичной занятости – неполной, незначительной, ограниченной по времени занятости и временной работе [Камкин, 2015]; средний возраст первого вступления в брак в Германии остается высоким и продолжает увеличиваться (32 года – для женщины и 34 года – для мужчины по состоянию на 2019 г.). Не исключено преднамеренное снижение уровня заработной платы в процессе проведения интервью, чтобы не предавать огласке реальный доход (например, в случае проведения совместного интервью с супругой/супругом). Для мигрантов брак не является статистически значимым фактором, вероятно, потому,

[1] Рассчитано с учетом коэффициентов модели (1a) путем нахождения экстремума функции $y=-0{,}000914*age^2 + 0{,}114*age + 1{,}872$

Производная функции y: $(-0{,}000914*age^2 + 0{,}114*age + 1{,}872)' = 0{,}114-0{,}001828*age=0,$ отсюда $age = 62{,}4$

[2] Рассчитано с учетом коэффициентов модели (1b) путем нахождения экстремума функции $y=-0{,}000765*age^2+0{,}097*age+2{,}426$

Производная функции y: $(-0{,}000765*age^2+0{,}097*age+2{,}426)' = 0{,}097-0{,}00153*age=0,$ отсюда $age = 63{,}4$

что вне зависимости от наличия семьи мигрантам приходится больше усилий прикладывать для получения работы и повышения заработной платы, и они более склонны к риску. Однако наличие супруга/супруги за рубежом оказывает отрицательное воздействие на доход. Среди возможных причин – отправка части своего дохода семье по согласованию с работодателем, а также то, что мигранты еще не полностью ассимилировались в Германии и/или же имеют непостоянный характер работы (им приходится чаще уезжать на Родину, чтобы навестить семью).

Мигранты и беженцы

В уравнении (2) описанные выше детерминанты сохраняют свои знаки и значимость. Что касается новых переменных, знак перед *Refugee* – отрицательный, т. е. благосостояние беженцев ниже других респондентов, в то время как знак перед *Migrant* – положительный и означает, что реальный доход мигранта в среднем превышает уровень реального дохода лиц, рожденных в Германии, с похожими личностными и профессиональными характеристиками. Если отрицательный знак перед переменной *Refugee* ожидаем, в т. ч. из-за неопределенности в части наличия работы по прибытии и других характерных вызовов (знание языка, интеграция в социум, более низкий уровень образования или профессиональных навыков и др.), то положительный знак перед переменной *Migrant* является дискуссионным в исследовательских работах. В контексте Германии этот вопрос также неоднозначен: с одной стороны, в среднем мигранты в Германии зарабатывают меньше, чем коренные немцы [Ingwersen, Thomsen, 2021], с другой стороны – по данным переписи населения Германии за 2021 г., ежемесячный доход домохозяйств, где есть лица с миграционным прошлым, превышает доход домохозяйств, в которых нет мигрантов[1]. При этом в первом случае уровень дохода заметно увеличивается, если кто-либо из членов домохозяйства является аусзидлером.

В контексте Германии предполагается, что более высокое благосостояние мигрантов при прочих равных условиях обусловлено рядом причин, в т. ч. хорошей репутацией Германии среди талантливых иностранных студентов (страна занимает третье место в мире после Швейцарии и Норвегии по показателю привлекательности для получения высшего образования[2], и многие иностранные студенты пытаются проявить себя во время учебы, чтобы после окончания обучения остаться в Германии); высоким притоком квалифицированных мигрантов (более 60% ежегодно, см. Рис. 2); более высокой мотивацией у мигрантов, чем у коренных немцев; ускоренной ассимиляцией мигрантов, в частности, благодаря национальным про-

[1] Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2021. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergrund-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 07.08.2022)

[2] Migration policy affects attractiveness of OECD countries to international talent. 2019. URL: https://www.oecd.org/newsroom/migration-policy-affects-attractiveness-of-oecd-countries-to-international-talent.htm (дата обращения: 07.08.2022)

граммам поддержки и развитым мигрантским сетям. Еще один фактор – нелинейный процесс роста доходов мигрантов.

Рисунок 2

Квалифицированные и низкоквалифицированные трудовые иммигранты из третьих стран (по типу полученного вида на жительство)

Источник: Mayer (2018) Factsheet Migration. Bertelsmann Stiftung. URL: http://aei.pitt.edu/102585/1/factsheet_Migration_2017.pdf (дата обращения: 07.08.2022)

Продолжительность миграции

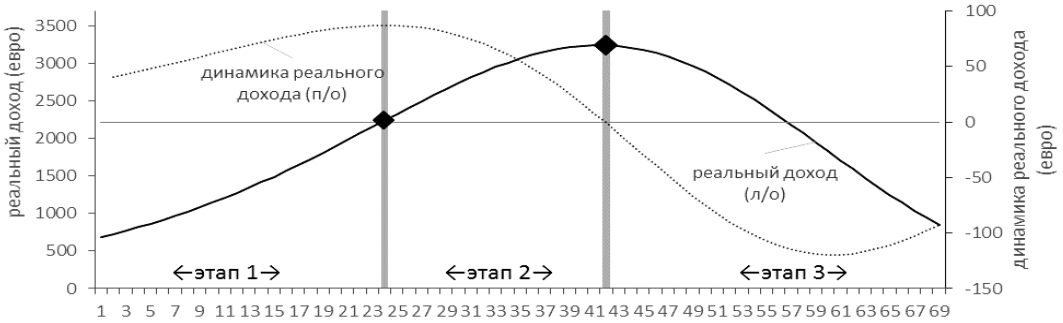
Время пребывания в Германии статистически значимо для уровня реального дохода иммигрантов (модель 3). Например, для мигранта-мужчины, который приехал в Германию в 20 лет, не имеет семьи, работает и имеет среднее общее образование (учился 10 лет), эффект времени пребывания в Германии определяется в рамках трех этапов, для которых характерны следующие временные интервалы (Рисунок 3):

1. Первые 24 года проживания в Германии реальный доход мигранта увеличивается постоянно растущими темпами. Это происходит из-за ряда причин: мигрант обладает низким уровнем первоначального дохода (эффект низкой базы); он, вероятно, фокусируется на карьерном росте и еще не успел создать семью; у мигранта появляется больше возможностей для улучшения своих навыков и/или поиска работы с более высоким уровнем дохода на фоне усиления интеграции в социум и мигрантские сети; мигрант может также получить вид на жительство или гражданство и тем самым претендовать на более высокую заработную плату, но для этого необходимо время и др. В конце периода, скорее всего, достигается конвергенция доходов мигранта с доходами коренных немцев, если мигрант остается жить в Германии.
2. С 25 лет по 42 года реальный доход продолжает расти, но темпы роста замедляются, что обусловлено смещением приоритетов мигранта в сторону создания семьи, саморазвития и др.

3. С 43 лет по 69 год[1] проживания в Германии реальный доход начинает снижаться главным образом из-за приближения к пенсионному возрасту и/или его достижения.

Рисунок 3

Продолжительность миграции и ее влияние на реальный доход



Источник: рассчитано авторами на основе данных *SOEP*.

Этапы могут смещаться в ту или иную сторону для отдельных мигрантов, т. к., во-первых, уровень дохода зависит от положительной взаимосвязи между доходом в текущем и прошлом периодах, что актуально не для всех мигрантов. Например, низкоквалифицированные работники, а также работники, занятые в теневом секторе и/или в сезонной деятельности, могут иметь непостоянный доход. Во-вторых, такая взаимосвязь может сильно различаться в разных мигрантских диаспорах из-за различий в социальном капитале.

Происхождение мигрантов

Что касается благосостояния иммигрантов из разных стран (модель 4), выходцы из стран ЕС в целом зарабатывают больше, чем остальные респонденты. Это связано с более высоким качеством образования, профессиональных навыков и отсутствием значимых барьеров для миграции. При этом реальные доходы респондентов из разных стран ЕС различаются. Наибольший уровень дохода зафиксирован у респондентов из северных стран ЕС (вероятно, из-за того, что ВВП по ППС и доходы населения в Финляндии, Швеции и Дании выше, чем в Германии, а миграция предполагает улучшение своих доходов). Далее по уровню дохода следуют мигранты из Западной и Восточной Европы, для которых характерна миграция высококвалифицированной рабочей силы. Происхождение мигрантов из южных стран ЕС не ока-

[1] 69 лет – максимальное значение длительности пребывания иммигрантов в Германии в данных.

зывает влияния на доход из-за социокультурных особенностей (в т. ч. более низкого уровня мотивации).

Высокая реальная заработная плата респондентов из стран Африки обусловлена другими причинами: лояльностью к национальным меньшинствам в Европе, высокой мотивацией африканских мигрантов работать и остаться жить в европейской стране при относительно адекватном уровне образования[1], знанием европейских языков и др. [Abdi et al., 2021].

Доходы мигрантов из Турции, Ближнего Востока, России и других стран СНГ также выше, чем у остальных респондентов. Это связано с характерным для этих стран реляционным коллективизмом, который больше ориентирован на небольшие межличностные сети (семью, друзей и коллег). В результате среди мигрантов-выходцев из этих стран наблюдается более тесная взаимосвязь между благосостоянием и наличием сетевых ресурсов. Следовательно, развитые мигрантские сети из-за высокой численности представителей диаспор позволяют значительно снизить риски (финансовые и нефинансовые) и расширить возможности для поиска более высокооплачиваемой работы. Качество человеческого капитала также оказывает положительное влияние на доходы респондентов из стран СНГ.

Мигранты из Украины – единственные, чей реальный доход ниже, чем у других участников опроса. Украинские мигранты в странах ЕС, как правило, выполняют менее квалифицированную работу, несмотря на образование и профессиональный опыт, из-за трудности подтверждения их академической квалификации [Urios, 2010].

Выводы

Германия занимает второе место в мире после США по численности иммигрантов, проживающих в стране. Привлекательность Германии как принимающей страны обусловлена значительным количеством программ поддержки мигрантов и предоставлением бесплатного высшего образования для студентов, приезжающих из-за рубежа, но приоритетным фактором для миграции (в особенности на постоянное место жительства) остается перспектива повышения экономического благосостояния.

Вопрос разницы в уровне благосостояния (и заработных плат) мигрантов и коренного населения принимающей страны остается предметом научных дискуссий. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в Германии благосостояние лиц с миграционным прошлым выше, чем коренных немцев с похожими характеристиками. Это, с одной стороны, противоречит результатам ряда научных исследований, с другой – соответствует данным переписи населения. Более высокие доходы мигрантов при прочих равных условиях обусловлены рядом причин: привлекательностью Германии для обучения среди талантливых иностранных студентов и для работы среди высококвалифицирован-

[1] За последние 30 лет в странах Африки зафиксирована колоссальная утечка мозгов, повлекшая миграцию от 33 до 55% африканцев с высшим образованием в развитые страны.

ных иностранных специалистов; реформами, способствующими ускоренному процессу ассимиляции мигрантов; более высокой мотивацией мигрантов по сравнению с коренными немцами.

Конвергенция доходов мигрантов и немцев происходит с течением времени на фоне нелинейного трехэтапного процесса и для каждого отдельного иммигранта зависит не только от личностных и профессиональных характеристик, но и от страны или региона происхождения. Мигранты из северных стран Евросоюза и Африки имеют самый высокий уровень реального дохода, затем следуют мигранты из других стран ЕС, СНГ, Ближнего Востока, Турции и России. У мигрантов из Украины уровень благосостояния ниже по сравнению с местным населением и остальными рассмотренными группами мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Камкин А.К. (2015) Актуальное состояние рынка труда ФРГ и перспективы его развития. *Современная Германия. Экономика и политика.* Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Издательство «Весь Мир», Москва. С. 143–158.

Куприна Т.В. (2017) Особенности миграционных потоков стран ЕАЭС: сравнительно-сопоставительный анализ. *Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Институт экономики УрО РАН*. № 2. С. 308–314.

Пасякина Л.С. (2011) ЕС и трудовая миграция. *Современная Европа*. № 3. С. 100–110. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110.

Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022) Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России. *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 26. № 4. С. 552–578.

Abdi T.A., Peiró J.M., Presti A.L. (2021) Antecedents of career success of African migrant workers in Europe: A 2011–2019 systematic literature review and future research agenda. *Australian Journal of Career Development*. Vol. 30. No. 3. P. 211–225. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/10384162211066380.

Adedeji A., Silva N., Bullinger M. (2021) Cognitive and structural social capital as predictors of quality of life for Sub-Saharan African migrants in Germany. *Applied Research in Quality of Life.* Vol. 16. No. 3. P. 1003–1017. DOI: https://doi.org/10.1007/s11482-019-09784-3.

Bauer T. K., Sinning M. G. (2011) The savings behavior of temporary and permanent migrants in Germany. *Journal of Population Economics.* No. 24. P. 421–449.

Becker R., Tremel P. (2006) Auswirkungen vorschulischer Kinderbetreuung auf die Bildungschancen von Migrantenkindern. *Soziale Welt*. Vol. 57. No. 4. P. 397–418. URL: https://www.jstor.org/stable/40878547 (accessed: 04.03.2022)

Beine M., Docquier F., Özden Ç. (2011). Diasporas. *Journal of Development Economics*. Vol. 95. No. 1. P. 30–41.

Bhugra D., Becker M.A. (2005) Migration, Cultural Bereavement and Cultural Identity. *World Psychiatry*. Vol. 4. No. 1. P. 18–24.

Blanko L. (2004) Does Marriage after Migration Lead to Better Labor-Market Outcomes? *Migraciones Internacionales*. Vol. 2. No. 3. P. 173–179.

Bobowik M., Basabe N., Páez D. (2014) Well-Being and Values of Immigrants to Spain. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research.* Ed. by A.C. Michalos. Springer, Dordrecht, Netherlands. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3907.

Bondarenko K.A. (2021) Labor Migration from Uzbekistan: a Family and Community Promoted Big Bang. *Reg. Res. Russ.* Vol. 11. P. 273–284. DOI: https://doi.org/10.1134/S2079970521020039.

du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S. (2020) Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalized trust and social network resources. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 79. P. 1–12.

Dustmann C., Glitz A. (2011) Migration and Education. *Handbook of the Economics of Education*. Vol. 4. P. 327–439. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3.

Fahr R. (2011) Job design and job satisfaction – empirical evidence for Germany? *Management revue*. Vol. 22. Issue 1. P. 28-46. DOI: https://doi.org/10.1688/1861-9908_mrev_2011_01_Fahr.

Gruber S., Sand G. (2022) Does Migration Pay Off in Later Life? Income and Subjective Well-Being of Older Migrants in Europe. *Social Indicators Research*. Vol. 160. P. 969–988. DOI: https://doi.org/10.1007/s11205-020-02502-9.

Ingwersen K., Thomsen S.L. (2021) The immigrant-native wage gap in Germany revisited. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 19(4). P. 825–854.

Mincer J. (1994) The Production of Human Capital and the Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme. NBER Working Papers 4838. National Bureau of Economic Research, Cambridge, USA. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w4838/w4838.pdf (accessed: 07.08.2022)

Nesterko Y., Braehler E., Grande G., Glaesmer H. (2013) Life satisfaction and health-related quality of life in immigrants and native-born Germans: the role of immigration-related factors. *Quality of Life Research*. Vol. 22. P. 1005–1013.

Schaewitz J., Wang M., Rieger M.O. (2022) Culture and Institutions: Long-lasting effects of communism on risk and time preferences of individuals in Europe. *Journal of Economic Behavior & Organization.* Vol. 202. P. 785–829.

Urios, A.S. (2010) Ukrainian Migration to European Union Countries: The Case of Spain. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne Des Slavistes*. Vol. 52(1/2). P. 153–167. URL: http://www.jstor.org/stable/40871521 (дата обращения: 07.08.2022)

Well-being of Immigrants in Germany: Country of Origin and Income Convergence

K.A. Bondarenko[*]
Senior lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs / School of World Economy
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
[*]***E-mail:*** *xenabondarenko@gmail.com*

N.A. Kharitonova[**]
4th year student, Bachelor's Program "World Economy"
Teaching assistant, Faculty of World Economy and International Affairs / School of World Economy
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
[**]***E-mail:*** *nakharitonova_1@edu.hse.ru*

Abstract. As of 2021, Germany is a host country for 22,3 million people with a migration background, that amounts to 26,9% of the total population of the country. Most of migrants come to Germany to improve their level of welfare, and seek for getting the same income as the locals do. The article outlines econometric modeling of the well-being of ethnic Germans and migrants living in Germany based on the statistics from the World Bank and the data from a representative longitudinal study of private households by the German Socio-Economic Panel (SOEP-Core), which covers more than 683,000 respondents for 1984–2019. Based on the SOEP data, it is possible to reveal the real socio-economic conditions surrounding both the local population and the migrants in Germany. It is concluded that respondents with migration background tend to have higher real income (a proxy for wealth) rather than their peers born in Germany. However, migrants' real income varies significantly depending on the country of origin/birth (i. e. newcomers from Northern Europe and Africa earn the most) and has non-linear relationship with the duration of staying in Germany. Personal characteristics (age, gender) and professional qualities (education, employment status) have generally similar impact on real income both for migrants and ethnic Germans, while the effect of marital status varies case by case (i. e. married local Germans have lower real incomes than their peers, while for migrants the effect of marriage is insignificant).

Key words: Germany, migration, real incomes, duration of migration, country of origin, econometric analysis.

DOI: 10.31857/S0201708323020158

EDN: ovqyec

REFERENCES

Abdi T.A., Peiró J.M., Presti A.L. (2021) Antecedents of career success of African migrant workers in Europe: A 2011–2019 systematic literature review and future research agenda, *Australian Journal of Career Development*, 30(3), pp. 211–225. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/10384162211066380.

Adedeji A., Silva N., Bullinger M. (2021) Cognitive and structural social capital as predictors of quality of life for Sub-Saharan African migrants in Germany, *Applied Research in Quality of Life*, 16(3), pp. 1003–1017. DOI: https://doi.org/10.1007/s11482-019-09784-3

Bauer T.K., Sinning M.G. (2011) The savings behavior of temporary and permanent migrants in Germany, *Journal of Population Economics*, 24, pp. 421–449.

Becker R., Tremel P. (2006) Auswirkungen vorschulischer Kinderbetreuung auf die Bildungschancen von Migrantenkindern. *Soziale Welt*, 57(4), pp. 397–418. URL: https://www.jstor.org/stable/40878547 (accessed: 04.03.2022)

Beine M., Docquier F., Özden Ç. (2011). Diasporas, *Journal of Development Economics*, 95(1), pp. 30–41.

Bhugra D., Becker M.A. (2005) Migration, Cultural Bereavement and Cultural Identity, *World Psychiatry*, 4(1), pp. 18–24.

Blanko L. (2004) Does Marriage after Migration Lead to Better Labor-Market Outcomes? *Migraciones Internacionales*, 2 (3), pp. 173–179.

Bobowik M., Basabe, N., Páez, D. (2014) Well-Being and Values of Immigrants to Spain, in *Michalos A.C.* (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, Springer, Dordrecht, Netherlands. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3907.

Bondarenko K.A. (2021) Labor Migration from Uzbekistan: a Family and Community Promoted Big Bang, *Regional Research of Russia,* 11, pp. 273–284. URL: https://doi.org/10.1134/S2079970521020039

du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S. (2020) Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalized trust and social network resources, *International Journal of Intercultural Relations*, 79, pp. 1–12.

Dustmann C., Glitz A. (2011) Migration and Education. *Handbook of the Economics of Education,* 4, pp. 327–439. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3

Fahr R. (2011) Job design and job satisfaction – empirical evidence for Germany? *Management revue*, 22(1), pp. 28-46. DOI: https://doi.org/10.1688/1861-9908_mrev_2011_01_Fahr.

Gruber S., Sand G. (2022) Does Migration Pay Off in Later Life? Income and Subjective Well-Being of Older Migrants in Europe, *Social Indicators Research,* 160, pp. 969–988. DOI: https://doi.org/10.1007/s11205-020-02502-9.

Ingwersen K., Thomsen S. L. (2021) The immigrant-native wage gap in Germany revisited, *The Journal of Economic Inequality*, 19(4), pp. 825–854.

Kamkin A.K. (2015) Aktual'noye sostoyaniye rynka truda FRG i perspektivy yego razvitiya. Sovremennaya Germaniya [The current state of the German labor market and the prospects for its development], in Belov V.B. (ed.) *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika,* IYe RAN, Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, pp. 143–158. (In Russian).

Kuprina T.V. (2017) Osobennosti migracionnyh potokov stran EAES: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz [Features of migration flows of the EAEU countries: a comparative analysis], *Demograficheskij potencial stran EAES: VIII Ural'skij demograficheskij forum. Institut ekonomiki UrO RAN,* 2, pp. 308–314. (In Russian).

Mincer J. (1994) *The Production of Human Capital and the Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme*, NBER Working Papers 4838, National Bureau of Economic Research, Cambridge, USA. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w4838/w4838.pdf (accessed: 07.08.2022)

Nesterko Y., Braehler, E., Grande G., Glaesmer H. (2013) Life satisfaction and health-related quality of life in immigrants and native-born Germans: the role of immigration-related factors, *Quality of Life Research*, 22, pp. 1005–1013.

Pasyakina L.S. (2011) ES i trudovaya migraciya [EU and labor migration], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 100–110. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110 (In Russian).

Schaewitz J., Wang M., Rieger M.O. (2022). Culture and Institutions: Long-lasting effects of communism on risk and time preferences of individuals in Europe, *Journal of Economic Behavior & Organization,* 202, pp. 785–829.

Surinov A.E., Luppov A.B. (2022) Income Inequality and the Cost of Living at the Sub-Regional Level. Estimates for Russia, *HSE Economic Journal,* 26(4), pp. 552–578. (In Russian).

Urios, A.S. (2010) Ukrainian Migration to European Union Countries: The Case of Spain, *Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne Des Slavistes*, 52(1/2), pp. 153–167. URL: http://www.jstor.org/stable/40871521 (accessed: 07.08.2022)